

ИБРАГИМ МЕЛИКОВ

НАС ВДОХНОВЛЯЮЩИЙ ИЛЬХАМ

Мы живем в эпоху господства материализма, когда не просто много внимания уделяется внешним ценностям, но, более того, они обожествляются, и в них видят смысл жизни. Человек будто живет для того, чтобы обрести внешний комфорт, благополучие и полное удовольствие от этого земного мира. Это, конечно, важно и значимо. Я не хочу сказать, что названное плохо и не нужно. Но это только внешняя сторона жизни человека, не сама жизнь, а условие жизни.

Человек живет не столько во внешнем мире, сколько во внутреннем. Именно там протекает его настоящая жизнь. Мы забываем, что именно там обитают его счастье, радость, удовольствие, что там – истоки благополучия и всякого комфорта. Без этого мира нет самого человека, и внешнее благополучие не доставляет радости.

Поэтому в нашем мире почитаемы не только инженеры, которые проектируют и обустривают внешнюю жизнь, но и инженеры человеческих душ – строители нашего внутреннего мира, создатели внутреннего комфорта и уюта. И первые среди них – поэты и писатели. С ними мы обретаем Истину, но не ту, которая приносит практическую пользу, а ту, которая позволяет обрести себя. Они открывают нам нас самих. Они нужны людям, как сталкеры, проводники в подлинный, настоящий мир, о котором многие даже и не догадываются.

Ильхам Бадалбейли, которому исполнилось 75 лет, безусловно, из этой когорты. Это я сразу ощутил в момент знакомства с ним, потому что было очевидно, что он – настоящий Поэт.

Это удивительный человек. Несмотря на возраст, его характеризует юношеский максимализм. Душевная открытость, отсутствие желания приспособливаться к обстоятельствам жизни, честность, искренность, трепетная забота о своей внутренней свободе – черты, которые характеризуют его как личность. А как поэта, писателя, литератора – талантливость и высший профессионализм. Он – настоящий Мастер слова.

Вначале, когда мы стали с ним теснее общаться, он говорил, что в философии плохо разбирается. Но это породило, как модно сейчас говорить, когнитивный диссонанс, поскольку он сказал, что мою книгу, которую я ему подарил, он прочитал на одном дыхании. Как-то странно выглядело, что человек, плохо разбирающийся в философии, прочитал книгу по философии. Обычно те, кто плохо разбирается в философии, вообще не читают и даже не открывают философских книг. К тому же, он прочитал её быстро. Это уже вызывало полное недоумение, граничащее с шоком.

Дальнейшее общение с ним только укрепило меня во мнении, что он изначально меня направил «по ложному следу». Он часто проговаривался, вспоминая в разговоре то одного, то другого философа. Он окончательно себя разоблачил, когда в очередном разговоре сказал, что в студенческие годы на семинаре выступил с докладом о философии И. Канта, который вызвал изумление преподавателя, а потом написал курсовую работу на тему: «Философские аспекты «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина», после чего он был официально освобожден от посещения всех последующих занятий.

Чтобы было понятно, что за этим стоит, приведу один весьма примечательный случай. Некоторое время назад студенты одной группы сказали мне, что когда они по программе должны были изучать философию Канта, их преподаватель – доктор фи-

лософских наук, профессор – сообщил им, что он, мол, сам пока не разобрался в философии Канта, поэтому они эту тему пропустят. И это не редкий случай. Ибо Кант – один из самых глубоких философов в истории философии. Можно даже сказать, что тот, кто разбирается в философии Канта, понимает всю философию вообще. А И. Бадалбейли, будучи еще студентом, пишет литературоведческую работу, где анализирует Канта.

Поэтому вполне естественно, что все его творчество так или иначе пронизано философией. Вот одно из высших проявлений его философской поэзии:

*Нам отмерено плыть по теченью реки,
Чтобы выплыть в открытое море.
Лишь в согласье, согласии – не вопреки –
Отыскать можно истину в споре.*

Это его опровержение набившей оскомину фразы «В споре рождается истина». Действительно, какая истина может родиться, если нет согласия, и люди противостоят друг другу? Мы привыкли с детства к этой фразе, постоянно повторяем ее, как мантру, а в ней нет никакой правды. Только немногим – рассудительным и избранным – дано это понять.

Первый акт философии – сомнение. И как философствующий поэт, И. Бадалбейли пишет:

*Вопросов больше, чем ответов
К себе и к высшим небесам.
Я возведен был в круг поэтов.
А был ли им? Не знаю сам.*

Только истинный Поэт и настоящий философ может сомневаться в себе, в том, что он делает. Грош цена сомнению, если оно касается всего и всех, но не того, кто сомневается. Чем отличаются самые невоспитанные, черствые и эгоистичные люди? Именно отсутствием даже тени сомнения к себе. Но сомнение бесценно, когда сомнение человека начинается с сомнения по отношению к себе!

А какое он высказывает умудренное, действительно философское отношение к времени:

*Но время движется неупорно,
В его мгновеньях – радость и печаль.
Я все приемлю, только бы – не мимо –
Не пронеслось бы время невзначай.*

Он принимает время, и, соответственно, время жизни таким, **каким** оно есть. Он понимает, что оно неоднозначно, но другого нет. Надо его прожить – но прожить достойно, что значит – понимая Жизнь, как высшую ценность. Вот так соединились в его творчестве жизнеутверждающая поэзия и позитивная философия.

Для философа-поэта И. Бадалбейли время наполнено не физическим, а метафизическим, моральным содержанием:

*Добро и Зло –
два стога сена,
а буриданов ослик –
человек.
Для действия требуется сцена,
И время действия –
Месяц, год и век.*

Искусство довольно часто пренебрегает моралью. Это понятно. Для него важны чувства, эмоции, переживания. Нередко в искусстве мораль обходят, но бывает так, что демонстративно отвергают и даже оспаривают. Порой так поступают даже классики. Только высшее искусство возвышается до вопросов морали и актуализирует его.

Мораль, в свою очередь, предполагает свободу. Иначе с человека можно снять всякую ответственность. Не случайно И. Кант говорил, что человек принадлежит к миру нравственной свободы. Поэтому все, что происходит в жизни человека, – это плоды его свободного волеизъявления:

*Утешься собственной свободой,
Ты знал ей цену,
Обрети покой.
Теперь ты пожинаешь
Всходы
Семян,
Посаженных твоей рукой.*

Поэт – это мастер слова. Это бесспорно. Но достаточно ли этого? Для многих, для большинства – да. Но не для Ильхама Бадалбейли. Без слов, конечно, нет поэзии. Но для него важны не только слова, но и Слово. То Слово, с которого все начинается, и к которому все восходит. То Слово, которое было вначале, как говорится в Евангелии от Иоанна, которое было у Бога и которое было Бог. Слова имеют смысл только тогда, когда в них есть Слово-Бог. Слов может быть немного, но если в них присутствует Слово, это великая поэзия. Именно поэтому в своем одиночестве Бадалбейли пишет:

Сто тысяч слов – а где же Слово?

Эта строка – свидетельство понимания высшего предназначения поэзии. Она могла бы стать лейтмотивом вообще всей поэзии и достойна занять в поэзии такое же место, как легендарная фраза К.С. Станиславского по отношению к театру: «Не верю!» Актер должен играть так, чтобы зритель верил в него, а поэт должен нести Слово. И этим все сказано! Все переживания, эмоции, чувства, красота, любовь должны выражать Слово. А без него все это – суета человеческая, отражение бренного бытия, путь в никуда.

Подлинная поэзия должна быть дорогой к храму. Нужна ли дорога, которая не ведет к храму? Ведь она неспособна вывести и без того заблудившегося человека. Заблудившийся пребывает в мире заблуждений.

Все не только человеческое, но и мировое, вселенское обретает ценность, только приобщаясь к Слово. Слово творит мир, Слово придает ему смысл, Слово одухотворяет погрязший в пороке мир. Благодаря Слово мир перерождается подобно распятому и воскресшему Христу. И поиск его есть сверхзадача Поэта:

*Блажен, кто мертв. Блажен их вечный сон.
Блажен, кто жив. Он – жизнью одарен.
Она звучит мелодией нетленной,
Природа, исполнитель вдохновенный,
Читает эту музыку с листа,
А в ней – смешенье доброго и злого.
Но где оно – единственное Слово,
Что воскресило, вознесло Христа?*

Это и есть настоящая религиозность, понимание духовной жизни, осознание своего поэтического предназначения. Поэтому первое слово – Бог:

*Звук... буква... слог...
Начало... слово... Бог.*

Только тогда, когда есть подобное наполнение, по-настоящему раскрывается смысл веры в Бога:

*Я верую в Бога, и значит,
Я верю в его чудеса.
Я верю в возможность удачи,
Когда уже верить нельзя.*

*И даже сорвавшись с обрыва,
Я верю в спасительный миг,
Отмеченный точкой прорыва,
Когда обрывается крик.*

Пусть вера, как говорится, слепа. Но так же, как порой слепцы больше и глубже чувствуют и понимают, такая вера раскрывает полноту жизни, в отличие от взора заблудших глаз. Тем не менее, не надо забывать, что как не всякий слепой слышит музыку и воспринимает поэзию жизни, так и далеко не всякая вера возвышает и одухотворяет человека.

Вера – это врата духовного мира, но сам духовный мир живет любовью. Любовь – это то, что переносит человека из нашего бренного мира в иной мир, мир духа. Любовь соединяет не только сердца людей, но и миры: оставаясь в нашем мире, человек испытывает счастье любви от мира духовного. Любовь делает человека счастливым. Никто из людей еще не обрел счастья в ненависти, ибо любовь – это счастье, а ее отсутствие – несчастье. Как сказал А. Камю, «Не быть любимым – это всего лишь неудача, не любить – вот это несчастье». Да, мы можем испытывать счастье от чего угодно, но только при одном неоспоримом условии – мы должны пребывать в любви. Счастье в любви и от любви.

Но человек живет в этом мире, где смешались добро и зло, истина и ложь, искренность и лицемерие. Поэтому человек не всегда понимает, где его счастье, а где наказание. То, что кажется наказанием, может в один миг оказаться счастьем. В частности, восприятие и оценка любви. Все решает ракурс. Кто не ценит своего счастья, тому остается довольствоваться своим несчастьем. Но стоит изменить свой взгляд, наказание становится счастьем:

*Мир любви!.. Задумчивый овал
Чистого лица в морском приливе...
Бог меня любовью наказал,
Бог меня любовью осчастливил.*

И не менее важно, что любовь, как бы она ни воспринималась человеком, односторонне и непосредственно исходит от Бога.

Говоря о философичности поэзии И. Бадалбейли, нельзя обойти то, как в ней поразительно гармонично, если так можно сказать, сочетаются две разные культуры – русская и азербайджанская. И трудно сказать, чего больше. Поэт с одинаковой проникновенностью постигает глубины и русского, и азербайджанского национального бытия. Не хуже русского по крови, а даже, может быть, и лучше он пишет о России:

*От снега – белая Россия,
Зеленая – от трав, лесов,
От рек, озер и неба – синяя,
И золотая – от хлебов.*

И в то же время любого бакинца завораживают строки стихотворения «В чайхане», унося с трепетом и ностальгией в оживающие милые сердцу воспоминания:

*С непритворным радушьем встречая,
Вам чайханщик всегда будет рад.
И, подав «армуды» с терпким чаем,
Он других не предложит усад.*

*Да, пожалуй, других и не надо.
Здесь никто никуда не спешит.
Волны плещут внизу, за оградой,
Море плещет,
А время бежит.*

И на этот раз проникновенно и утонченно. Видимо, потому, что поэт И. Бадалбейли умеет по-настоящему любить. Только тот, у кого в сердце живет любовь, способен на подобное.

Вот так И. Бадалбейли сам себя опровергает, так он «не понимает и не разбирается в философии». Возникает вопрос: обманывал? Или, может, кокетничал? Нет! Он всегда искренен. Но, с другой стороны, кто может сказать с уверенностью, что полностью разбирается и понимает философию? Только дилетант! Не случайно же великий Сократ, признанный при жизни мудрецом, говорил, что знает только то, что ничего не знает. Получается, Бадалбейли стоит на той же позиции, что и Сократ. Как мы видим, он и в этом случае глубоко философичен.

Как видим, он парадоксален. Не случайно один из последних его сборников стихотворений назван «Парадоксы». Он – настоящий, потому и парадоксален. А парадоксальность – следствие и показатель свободы, и прежде всего – внутренней. Парадоксальность – обратная сторона свободы. Он не вписывается в обычные рамки, в обычную логику, ибо свободен. Он остается всегда самим собой – поэтому выглядит парадоксальным. Сама жизнь парадоксальна и противоречива, поэтому только парадоксальные, свободные люди способны по-настоящему жить.

И таким он был с юношеских лет. Он учился в престижном Литературном институте. Учеба шла своим чередом. Учился на «отлично», проблем вроде не было. Но в один прекрасный день переполненный своими эмоциями по поводу соответствующих социальных событий он написал стихотворение о свободе и ее притеснении и стал его декламировать в фойе Литинститута. Весть об этом мгновенно разлетелась, об этом сообщили даже по радио «Свобода». И неудивительно, что за этим последовало логичное исключение из института.

Сегодня он гордится этим своим поступком. Гордится, в частности, что попал в одну компанию с великим Е. Евтушенко, тоже исключенным из Литературного института. Но знал ли он тогда о последствиях? Если даже не знал, то, как минимум, догадывался. Но поступить иначе он не мог. Это был порыв души. И если не последовать ему, можно потерять себя. А этого нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Можно потерять все, что угодно, но не себя. Ему надо было так поступить, чтобы остаться собой и сохранить свою приверженность свободе.

Он, безусловно, большой талант. И свидетельство тому – обилие красивых женщин, тянущихся к нему и окружающих его. Не говоря о той единственной, с которой

он связал свою судьбу. Ибо, как тонко подметил М. Жванецкий, красота тянется к таланту.

Талант и приверженность свободе сделали его счастливым человеком. Он – из тех немногих, о ком можно сказать: «Он способен быть счастливым!»

У него чудная семья, где все относятся друг к другу с любовью, заботой и трепетом. Жена, с которой вместе уже почти столетия. У них почти идеальный союз, сохраняющий восхищающую свежесть отношений по сегодняшний день, союз, в котором органически сплелись возвышенная любовь и человеческие чувства, романтические и творческие порывы, быт и бытие. У него талантливый сын, предмет его гордости. Внучки, в которых он души не чаёт и о которых всегда говорит со всей глубиной своего поэтического переживания. Много друзей, с которыми связали жизнь и творчество. Друзей интересных и настоящих.

Излишне в данном случае говорить, какую радость и какое счастье ему приносит творчество.

Он счастлив сам и делится своим счастьем. Он не из тех, кто предпочитает отделиться от людей и быть счастливым в одиночку. Он из тех, кто исходит из того, что счастье приумножается от того, что им делишься.

Он из тех, кто может радоваться жизни. Можно было бы сказать, что он заражает своим счастьем. Но он не заражает, а заряжает!

Он сам радуется и этому учит других. Особенно тех, кто близок с ним. И безмерно счастливы те, кто дружит с ним. Спасибо судьбе и ее неведомым тайным силам, что этой чести удостоился и я.

Ильхам Бадалбейли делает людей счастливыми. Как поэт и человек. Хотя, впрочем, их нельзя разделять. Потому что у него особое имя. А имя, как известно, обязывает и накладывает свой отпечаток на характер и судьбу человека. Ильхам в переводе с азербайджанского означает «вдохновение». Это имя, как никакое другое, подходит поэту. Ведь поэт без вдохновения – не поэт. Вдохновение воодушевляет поэта, и он, пользуясь своим талантом, творит.

Но подлинная поэзия – не только плод вдохновения. Она сама вдохновляет, воодушевляет всех, кто соприкасается с ней. Ценность поэзии, как и всех видов творчества, не только в ней самой, но и в том, что это творчество вдохновляет на новое творчество.

В случае с Ильхамом Бадалбейли речь, безусловно, должна идти не только о его поэзии, хотя она безупречна в этом отношении, но и о личности поэта. Он сам вдохновляет и воодушевляет, подтверждая сокровенный смысл своего имени.

Так что его суть можно емко выразить в двух словах – İlhamlandırان İlham (Вдохновляющий Ильхам)!

Что можно пожелать такому человеку в юбилей? Ведь у него есть все, к чему стремятся. На мой взгляд, только одного – преумножения того, что есть!